

Яшэн Хуан

КАПИТАЛИЗМ ПО-КИТАЙСКИ

Государство и бизнес

Yasheng Huang

CAPITALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS

Entrepreneurship and the State

Cambridge University Press

Яшэн Хуан

КАПИТАЛИЗМ ПО-КИТАЙСКИ

Государство и бизнес

Перевод с английского

СКОЛКОВО
Московская школа управления

**Москва
2010**

УДК 332.02
ББК 65.290.2(5)
Х98

Редактор Ю. Быстрова

Хуан Я.

Х98 Капитализм по-китайски: Государство и бизнес / Яшэн Хуан ; Пер. с англ. — М.: Альпина Паблицерз, 2010. — 375 с. — (Серия «Сколково»).

ISBN 978-5-9614-1345-8

С конца 1970-х гг. китайская экономика растет феноменальными темпами. При помощи каких механизмов Китаю удастся расти столь стремительно? Может ли Китай в недалеком будущем оставить позади нынешних мировых экономических лидеров? Есть ли в Китае капитализм и свободный рынок? Эти и другие вопросы будоражат деловые круги всего мира, а мифы о китайском чуде множатся день ото дня.

Автор книги, профессор Яшэн Хуан, преподает политэкономии и международное управление в Школе менеджмента Слоуна при Массачусетском технологическом институте, в котором ведет «китайскую лабораторию». В этой книге он развенчивает ряд ошибочных представлений о китайском феномене, проводя вдумчивый анализ экономической политики Китая за последние 30 лет. Исследование основано на богатой информационной базе — государственных и банковских документах, данных Национального бюро статистики Китая и различных инсайдерских источниках.

Книга адресована бизнесменам, экономистам, политологам, а также всем тем, кто интересуется инвестициями на китайском рынке или партнерством с китайскими компаниями.

УДК 332.02
ББК 65.290.2(5)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-9614-0633-7 (серия «Сколково»)
ISBN 978-5-9614-1345-8 (рус.)
ISBN 978-0-521-89810-2 (англ.)

© Yasheng Huang, 2008
© Издание на русском языке,
перевод, оформление.
ООО «Альпина», 2010

Руководитель проекта *Е. Гулитова*
Технический редактор *Н. Лисицына*
Корректоры *Е. Аксенова, О. Ильинская*
Компьютерная верстка *А. Абрамов*
Дизайнер *С. Прокофьева*

ООО «Альпина»
123007, г. Москва,
ул. 4-я Магистральная, д. 5, стр. 1
Тел. (495) 980-53-54
e-mail: info@alpinabook.ru
www.alpinabook.ru

Подписано в печать 12.08.2010. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 23,5 печ. л. Тираж 1500 экз. Заказ №

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию.....	7
Предисловие.....	9
Краткий обзор книги.....	15
1. Насколько же капиталистическим является Китай?	21
Насколько же капиталистическим является Китай?.....	30
Как правильно истолковывать историю роста китайской экономики	46
Обзор основных моментов книги.....	64
Приложение.....	67
2. Десятилетие предпринимателей	73
Истинное «китайское чудо».....	78
Что же такое поселково-волостное предприятие?.....	93
«Поистине революционные реформы»	112
Заключение	130
Приложение.....	134
3. Великий разворот	139
История двух десятилетий	143
Что же произошло с поселково-волостными предприятиями?	155
Масштабное ограничение финансирования... ..	170
Сила китайского государства	195
Заключение	209

4. Что же в Шанхае не так?	213
А существует ли вообще «шанхайское чудо»?.....	216
Отсутствие предпринимательства в Шанхае	237
Осмысляем шанхайскую модель.....	250
Заключение	268
Приложение.....	273
5. Капитализм по-китайски	275
Государственный или предпринимательский капитализм — так ли это важно?	283
Иной путь.....	304
Капитализм по-китайски.....	321
Перспективы Китая	332
Примечания.....	347

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Сегодня мы рады представить российским читателям новую книгу серии СКОЛКОВО — «Капитализм по-китайски», поистине захватывающее исследование истории экономических реформ Китая профессора Яшэн Хуана.

На протяжении нескольких последних десятилетий китайская экономика росла не просто стремительными, а поистине феноменальными темпами. Что же лежит в основе «китайского экономического чуда», кто сыграл основополагающую роль в развитии системы этой огромной страны и почему сегодня, спустя 30 лет, частный сектор Китая все еще находится на ранней стадии развития?

Базируясь на многочисленных архивных свидетельствах, статистических данных и обзорах рынка, книга Яшэн Хуана представляет новый, альтернативный взгляд на причины экономического взлета Китая, выдвигая на первый план истинные источники роста.

Автор предлагает читателям не только рассмотреть городской, контролируемый государством Китай, но и взглянуть на Китай сельский, предпринимательский. Ведь именно он в 1980-х получил поддержку государства, результатом чего стал подъем и всеобъемлющий рост. «Китайское чудо», о котором говорит автор, кроется в истории 1980-х гг., в истории развития класса предпринимателей!

В книге последовательно раскрываются причины, почему капитализм в 1980-е гг. был не просто бурно развивающимся, а действительно благоприятным для развития страны. Анализируется, как в следующем десятилетии сельский Китай был задавлен государством, взявшим все под свой строгий контроль, изменившим многие направления сельских экспериментов и определившим четкий перекося в сторону города, в сторону огромных инвестиций в государственные предприятия, с введением ограничений в отношении отечественных предпринимателей и с ярким ужесточением налогообложения беднейших сегментов населения.

КАПИТАЛИЗМ ПО-КИТАЙСКИ

А одним из «героев» книги становится Шанхай, город, который не затронули реформы 80-х, но который стал олицетворением государственной формы капитализма, политической опорой для руководителей страны.

Аналитический, свежий и во многом предостерегающий тон книги делает ее увлекательной и полезной для чтения, если вы интересуетесь международным бизнесом и быстроразвивающимися рынками.

Вилфрид Ванхонакер,
декан Московской школы управления СКОЛКОВО

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1998 г., когда я проводил исследование в Шанхае для своей последней книги, я поинтересовался у одного чиновника, может ли он познакомить меня с несколькими частными предпринимателями. Недоуменно взглянув на меня, он спросил: «Вы профессор из Гарварда?» (Я тогда преподавал в Гарварде.) «Почему же вас, профессора из Гарварда, — продолжил он, — интересуют эти люди, которые продают арбузы, чай и гнилые яблоки на улице?»

Немного озадаченный его ответом, я мягко напомнил ему, что такие компании, как Microsoft и Hewlett-Packard, были основаны и управлялись частными предпринимателями. После чего я позволил себе заметить, что, вероятно, причиной, по которой частные предприниматели в Шанхае продают лишь арбузы и чай, является то, что это единственный вид деятельности, которым им разрешено заниматься.

Эти слова шанхайского чиновника врезались мне в память; именно они впоследствии подвигли меня на написание этой книги. (Одна из глав этой книги называется «Что же в Шанхае не так?») Просто удивительно, как его слова контрастируют с рассуждениями многих на Западе о китайских реформах. Среди западных ученых, в особенности экономистов, бытует мнение, что целью китайского государства было создать рыночную экономику, в основе которой лежит частное предпринимательство, но реформы заблокировались политическими препятствиями. Тогда политические стратеги из политической целесообразности прибегли к менее действенным способам достижения тех же целей — как то частичная приватизация государственных предприятий, открытие внутреннего рынка для иностранных компаний и содействие развитию предпринимательства с сохранением госпредприятий.

Истина ближе к словам того шанхайского чиновника. Совсем недавно, в 1998 г., большинство китайских чиновников относились к частному предпринимательству с глубочайшим презрением. Если китайское государство действительно *решило* подавить частный сектор, то нам придется разрешить несколько серьезных голово-

ломок. К примеру, как пояснить тот неоспоримый факт, что частному сектору удавалось расти с течением времени? Я привел пояснение в своей последней книге, *Selling China* («Продающий Китай»), где наглядно демонстрируется, что прямые иностранные инвесторы не привлекали технологии и ноу-хау, а выступали в качестве венчурного капитала или частного акционерного капитала, предоставляя финансирование подавляемым предпринимателям. Вот почему прямые иностранные инвестиции настолько распространены в Китае во всех сферах — от высокотехнологичных отраслей промышленности до низкотехнологичных и от богатых регионов страны до бедных. Ряд научных работ, в основу которых легли эмпирические исследования, подтвердили эту гипотезу после выхода в свет моей книги.

Прямые иностранные инвестиции — это не ответ на все вопросы. Прямые иностранные инвестиции потекли в Китай в 1990-х гг., и если они объясняют рост частного сектора и экономический рост в 1990-х, как тогда объяснить происходящее в 1980-х? Вопрос 1980-х годов обнажил пробелы в моих знаниях новейшей китайской истории. Я, как и многие другие ученые, всегда предполагал, что китайские реформы носили постепенный (эволюционный) характер — начинались с осторожных, малых шажков, а потом набирали обороты, увеличивая темпы экономических преобразований. Долгие годы я придерживался той точки зрения, что реформы 1990-х были гораздо более радикальными и далекоидущими, чем реформы 1980-х.

Человек, прочитавший эту книгу, заметил бы, что основной ее тезис говорит о прямо противоположном. В ней демонстрируется, что истинное китайское чудо случилось в 1980-х и что чудо это стало возможным благодаря предпринимательству, исходящему из низов, и существенной либерализации на многих фронтах. А вот в 1990-х произошло сворачивание реформ.

Я усомнился в правильности своего предположения после того, как мне выпала возможность побеседовать с доктором Чжаном Вэем. Чжан, который сейчас преподает экономику Китая в Кембриджском университете, знает историю реформ не понаслышке. Он был «восходящей звездой» в правительстве Китая 1980-х гг. — управлял важной зоной экономического развития в Тяньцзине, будучи совсем молодым человеком. Чжан Вэй мягко, но решительно сказал мне, что моя эволюционистская точка зрения существенно преуменьшает темпы реформ в 1980-х. После того разговора я стал замечать, что многие «инсайдеры» — те, кому довелось поработать в китайской системе, — придерживаются такого же мнения. Наиболее от-

кровенно о сворачивании реформ в 1990-х высказался Ли Чанпин, сельский госслужащий, которого я процитировал в главе 3.

Однако академический подход к этой теме требует большего, нежели ознакомление читателя с мнениями инсайдеров. Мнение должно быть подкреплено данными. В этом-то и заключается главная сложность. Немногие специалисты-обществоведы знают, насколько непросто раздобыть точные данные о Китае, особенно по 1980-м гг. «Культурная революция» полностью разрушила китайскую систему сбора данных. Согласно одному материалу, в 1976 г. в Национальном бюро статистики работало лишь 46 человек, а еще в 1986 г. 90% китайских экономических данных обрабатывалось вручну. (В 1985 г. Национальное бюро статистики провело экономическую перепись. Один американский экономист поинтересовался, можно ли ему получить необработанные данные переписи, на что ему ответили, что магнитная лента с данными упала в воду и пришла в полную негодность.)

Я часто восхищаюсь способностью некоторых моих коллег по Массачусетскому технологическому институту генерировать данные для своих исследований — при помощи тщательно продуманных экспериментов, где иногда в качестве объектов выступают студенты, и завидую коллегам. Один из них разработал эксперимент, который предполагал фотографирование студентов в столовой. У меня нет подобной возможности генерировать данные экспериментальным путем, и расспрашивать людей об их прошлом отнюдь не просто, особенно если нужные люди — бывшие премьеры или министры (в том числе те, которые до сих пор являются персонами нон-грата как политики).

Я остановился на альтернативном варианте — изучении государственных документов. В Китае нет недостатка в документах. Один источник документации оказался особенно полезным для моего проекта — сборники банковских документов. В рамках этого книжного проекта я изучил тысячи страниц банковских документов, многие из которых датированы началом 1980-х гг. Именно на основе совокупной массы документальных данных я отверг эволюционистское толкование китайских реформ.

Скептически настроенный читатель может возразить, что вывод, основанный на документальных данных, недостаточно строг. (Помимо документальных данных, я также собрал значительное количество исследовательских данных.) Но тут следует напомнить, что эволюционистская точка зрения вообще не нашла системного подтверждения. Самый убедительный факт в ее поддержку — это рост доли выработки продукции частного сектора. В главе 1

я подробно поясню, почему этот показатель не является достоверным.

Вопрос методологической строгости наиболее значим тогда, когда мы пытаемся вывести причинные следствия, а не тогда, когда пытаемся установить факты. В этом и заключается основное различие между исследованием китайской и американской экономики. При изучении американской экономики ученые могут спорить о последствиях, скажем, «рейгановского снижения налогов». При изучении же китайской экономики более значимым вопросом будет: «А снижало ли правительство налоги вообще?» Значительная часть этой книги посвящена документированию фактов, в том числе формулированию точного определения термина «поселково-волостные предприятия», и выработке приемлемого показателя для оценки эволюции политики в отношении частного сектора.

Хотелось бы отметить двух человек, которые очень помогли мне в поисках источников документальных данных по китайским реформам. Один из них — Цзэнь Хун, библиотекарь в Центре обслуживания при Китайском университете Гонконга. Цзэнь создала потрясающий сборник документации по Китаю. Он включает документы, датированные концом 1970-х и началом 1980-х гг., все его материалы тщательным образом каталогизированы. Я выражаю ей огромную благодарность.

Нэнси Херст из библиотеки Центра восточноазиатских исследований им. Фэрбэнка при Гарвардском университете также сыграла важную роль в моем проекте. Ее библиотека, несомненно, является лучшим местом для исследования современного Китая за пределами Азии. Нэнси помогла этому книжному проекту и иным образом: она отредактировала и вычитала ранние версии и исправила многие из ошибок, сделанных мною. Я очень благодарен ей за это.

Все эти годы у меня было несколько способных ассистентов. В их число входят Лу Гао, Юй Лу, Хэйвай Тан, Яньбо Ван и Вэньди Чжан. Другие находили и предоставляли важные данные. Профессор Ифань Чжан из Университета Линнань (Гонконг) щедро делился данными со мною, а Ян Чжи из Университета Гонконга помогал мне их анализировать. Скотт Пэррис, мой редактор в Cambridge University Press, и Кен Карпински, мой руководитель проекта в Artaga, оказывали мне весьма эффективную помощь в процессе создания книги. Я глубоко благодарен им.

Также я хотел бы поблагодарить тех людей и коллег, с которыми я обсуждал идеи, изложенные в этой книге, и которые дали ценные комментарии по ранним черновикам или представлениям идей. В их число входят Уильям Баомул, Пранаб Бардхан, Сьюзанн Бергер,

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кристин Форбс, Цзюнь Фу, Саймон Джонсон, Девеш Капур, Тарун Ханна, Николас Ларди, Дон Лессард, Дэвид Ли, Рик Лок, Миньсинь Пэй, Гай Пфефферманн, Эд Стейнфельд, Лестер Туроу, Лора Тайсон, Эштуш Варшни, Элеанора Уэстни и Алан Уайт. Четыре анонимных рецензента из Cambridge University Press предоставили весьма ценные комментарии.

Эта книга не была бы написана без неизменной поддержки моей жены, Цзэнь Ян. Она стойко переносила мои частые отсутствия дома, приглядывая за двумя нашими маленькими дочками, Кунькунь и Нанань, и работая топ-менеджером в компании по страхованию здоровья. Она стала первым «испытательным полигоном» для многих моих идей. Дочки, вероятно, тоже улучшали мою работу, пусть даже и косвенным образом, когда забирали мой ноутбук и писали или рисовали что-то на моих текстах.

Наконец, я посвящаю эту книгу трем людям, которые, я убежден, олицетворяют истинное китайское чудо. Я упомянул их в трех разных частях книги: Няня Гуанцзю — в главе 2, Чжэна Лэфана и Суня Дау — в главе 3. Все трое были сельскими предпринимателями; как и многие другие предприниматели, они попали под удар односторонней политики 1990-х. Таким вот скромным образом я отмечаю их вклад в эту книгу.

Яшэн Хуан, 6 июня 2008 г., Дели (Индия)

КРАТКИЙ ОБЗОР КНИГИ

С 1978 г. китайская экономика растет феноменальными темпами. Этот факт неоспорим. При помощи каких механизмов Китаю удастся расти столь быстро? По этому вопросу уже больше простора для дискуссии. Большинство экономистов сходятся во мнении, что в основе роста Китая лежат уникальные, специфические местные институциональные новшества, такие как пребывание в собственности местных органов власти поселково-волостных предприятий, децентрализация и избирательный финансовый контроль. Традиционные механизмы роста, такие как частная собственность, защита прав собственности, финансовая либерализация и реформирование политических институтов, не являются основными составляющими истории роста Китая.

Экономическое исследование китайских реформ сосредоточено главным образом на следующем вопросе: чем объяснить рост китайской экономики, принимая во внимание ее явные недостатки? Ответ, часто подкрепляемый формальными, математическими моделями, заключается в том, что на первый взгляд неэффективная политика, практики и институты, как то пребывание поселково-волостных предприятий в собственности государства и финансовые рычаги, выполняют базовые эффективные *функции* в конкретных условиях Китая. При этом обычно используется дедуктивный подход — эти эффективные функции представляющихся неэффективными форм логически выводятся из впечатляющих экономических результатов Китая.

В этой книге используется иной, основанный на фактах подход. Начинается она со следующих вопросов: действительно ли поселково-волостные предприятия находились в собственности государства? До или во время первоначального экономического подъема начала 1980-х гг. Китай осуществил финансовые реформы? В основе данного исследования лежит детальное изучение политических документов, документов из сферы госуправления и банковских документов, а также исследований семейных и частных предприятий. Собранные качественные и количественные данные

охватывают период с 1979 по 2006 г. Эта книга богата фактами — я изучил тысячи страниц служебных записок, распоряжений, рабочих инструкций и правил оценки персонала, изданных главами центрального банка Китая, всех основных коммерческих банков, сельских кредитных кооперативов и т. д. Эти документы содержатся в 22-томном сборнике банковских документов, который, несмотря на то что он имеется в Гарварде и Гонконге, никогда не изучался западными учеными. Я также изучил базу данных по поселково-волостным предприятиям, созданную Министерством сельского хозяйства Китая. Министерство сельского хозяйства ведало сбором данных по поселково-волостным предприятиям, и в его данных разбивка по формам собственности более детальная, чем в данных по поселково-волостным предприятиям, которые приводятся в статистических ежегодниках China Statistical Yearbook. Вот основные результаты моего исследования.

- *В чистом виде* частное предпринимательство в несельскохозяйственных секторах развивалось в сельском Китае в 1980-х гг. быстрыми темпами.
- Финансовые реформы в сельских районах в 1980-х гг. были существенными, и китайская банковская система в 1980-х выдала на удивление большой объем кредитов частному сектору.
- Защита прав собственности была — и по-прежнему остается — на невысоком уровне, но защищенность собственника — лица, владеющего имуществом, — существенно повысилась в самом начале экономических реформ.
- В начале 1980-х гг. энергично, непосредственно и сознательно формировалось доверие к политике и ее предсказуемость.
- Политическая система, хоть в ней и отсутствуют обычные институциональные ограничения, ассоциируемые с надлежащим государственным управлением, стала *направленно либеральной* в начале эпохи реформ.

В этой книге разъясняются следующие вопросы.

- В китайском определении термина «поселково-волостные предприятия» речь идет о месте их создания и регистрации (т. е. предприятия, находящиеся в сельских районах), а не об их форме собственности; западные же исследователи рассматривают поселково-волостные предприятия с точки зрения их формы собственности.

- Прорыв в плане познания огромен: уже в 1985 г. из 12 млн предприятий, отнесенных к поселково-волостным, 10 млн были *полностью и в чистом виде* частными.
- Почти каждый новый участник сектора поселково-волостных предприятий в период с середины 1980-х гг. по середину 1990-х являлся частным поселково-волостным предприятием.
- Частные поселково-волостные предприятия были наиболее активны в самых бедных и самых сельскохозяйственных провинциях Китая (эта особенность частных поселково-волостных предприятий поясняет преуменьшение их размеров в стандартной отчетности, а также связи между сельским частным предпринимательством и сокращением бедности).
- Коллективные поселково-волостные предприятия в бедных провинциях начала 1980-х и переживали масштабную приватизацию.
- Финансовые реформы на селе — предоставление кредитов частному сектору и разрешение на вход частных предприятий в сферу финансовых услуг — в 1980-х гг. были одобрены главой Центрального банка Китая и президентами ведущих банков.
- Китайские реформы были экспериментальными по своей природе, но результатом этих экспериментов стали частная собственность и финансовая либерализация.

Хорошее пояснение феномена китайского роста должно объяснять как его широко известные успехи, так и его не менее известные недостатки (слабый финансовый сектор, рост разницы в доходах, ограничение развитие частного сектора и т.д.). Ключевым моментом для понимания нами истории роста Китая является то, что Китай в начале 1990-х гг. свернул большую часть своих весьма действенных экспериментов и политики в отношении села. В 1990-х китайские политики отдавали предпочтение городам в плане инвестиций и предоставления кредитов, облагая сельский сектор внушительными налогами, чтобы финансировать иницируемый государством бум развития городов. Изменения в политике в 1990-х гг. не были экспериментальными; они скорее были обусловлены значительным перекосом в сторону города. Эта книга утверждает следующее.

- Если судить по инвестициям в основные фонды в частном секторе, период наиболее либеральной политики пришелся на 1980-е гг.; в 1990-х эта политика была прекращена, а боль-

шинство действенных финансовых экспериментов на селе были свернуты.

- Административное управление на селе в 1990-х гг. было централизовано.
- Ограничения в плане кредитов для сельского предпринимательства, в том числе частных поселково-волостных предприятий, в 1990-х существенно выросли.
- Рост дохода сельского домохозяйства в 1990-х гг. составил менее половины роста дохода сельского домохозяйства в 1980-х гг., а снижение роста дохода сельского предприятия было еще более ощутимым.
- Размер государственного аппарата, определяемый по числу госслужащих и стоимости основных фондов, управляемых им, в 1990-х существенно вырос.
- Направленно либеральные политические реформы 1980-х были прекращены и свернуты.

Целая глава в этой книге посвящена Шанхаю, и вот почему. Первая заключается в том, что Шанхай являет собой классическую модель перекоса в сторону города — город ограничил развитие малых, предпринимательских и типично сельских предприятий, предоставляя при этом налоговые льготы прямым иностранным инвестициям и предприятиям, тесно связанным с органами власти. Вторая заключается в том, что в конце 1980-х гг. экономика Шанхая входила в число наименее реформированных городских экономик Китая, но при этом его руководители второй половины 1980-х доминировали на китайской политической арене все последнее десятилетие прошлого века. В этой книге задается вопрос: что же в Шанхае не так? Приводятся следующие факты.

- Несмотря на то что они находятся на самом богатом рынке Китая, местные предприятия частного сектора являются одними из наименьших в стране, а доход на душу населения от самостоятельной предпринимательской деятельности в Шанхае примерно такой же, как в провинциях, таких как Юньнань, где ВВП на душу населения составляет около 10–15% от ВВП на душу населения в Шанхае. (Это равносильно тому, как если бы доход на душу населения от самостоятельной предпринимательской деятельности в Соединенных Штатах был примерно таким же, как в Турции.)
- Политические, регуляторные и финансовые ограничения на местное частное предпринимательство в Шанхае были

непомерными, что подтверждает тот факт, что инвестиции в основные фонды местных фирм частного сектора достигли максимума в 1985 г.

- Доля трудового дохода — включая доход собственника бизнеса — в ВВП по Шанхаю очень низка.
- ВВП Шанхая вырос существенно относительно среднего по стране, но уровень дохода домохозяйства относительно среднего по стране практически не вырос.
- Несмотря на то что заработные платы в Шанхае высокие, доход от активов — один из наименьших в стране.
- Начиная с 2000 г. самый бедный сегмент населения Шанхая утратил доход *полностью* в период экономического роста.
- Несмотря на то что Шанхай стремится стать одним из китайских центров высоких технологий, в 1990-х гг. годовое количество выданных патентов в Шанхае значительно уменьшилось по сравнению с годовым количеством выданных патентов в более «предпринимательских» провинциях, таких как Чжэцзян и Гуандун.
- Помимо этого, в Шанхае процветала коррупция.

Капитализм с китайским лицом является результатом политического баланса между предпринимательским, ориентированным на рынок сельским Китаем и контролируемым государством городским Китаем. В 1980-е гг. верх взял сельский Китай, но в 1990-х доминировал Китай городской. Несмотря на то что Китай в 1990-х гг. добился значительного прогресса в плане либерализации прямых иностранных инвестиций и реформирования государственных предприятий, в этой книге большее значение придается развитию ситуации на селе при определении общего характера и темпов перехода Китая к капитализму. Там, где господствует сельский Китай, китайский капитализм является предпринимательским, политически независимым и весьма конкурентным в своем поведении и действенным в своих последствиях. Там же, где доминирует городской Китай, китайский капитализм склонен к политической зависимости от государства и коррумпирован.

Большинство экономистов судят об экономических результатах Китая по данным о его ВВП. Тогда как расхождения в цифрах роста ВВП Китая для рассматриваемых двух десятилетий довольно незначительны, экономические и социальные последствия более предпринимательской разновидности капитализма 1980-х гг. и более государственной разновидности капитализма 1990-х гг. отличались весьма существенно.

- Несмотря на то что рост ВВП был значительным и в 1980-х, и в 1990-х, рост дохода домохозяйства в 1980-х гг. был гораздо более ощутимым.
- Доля трудового дохода в ВВП в 1980-х росла, а в 1990-х снижалась.
- По итогам ряда исследований, проводившихся независимо друг от друга, было установлено, что рост совокупной производительности факторов производства в текущем десятилетии либо замедлился по сравнению с предыдущим периодом, либо вовсе прекратился.
- Сокращение бедности, о котором с гордостью сообщали китайские СМИ, происходило главным образом в течение восьми лет «предпринимательского» периода (1980–1988 гг.), а не в течение 13 лет «государственного» периода (1989–2002 гг.).
- Разница в доходах в 1990-х значительно увеличилась, тогда как в 1980-х уменьшилась.
- Проблемы, связанные с государственным управлением, такие как захваты земли и коррупция, в 1990-х гг. существенно обострились.
- Высокая налоговая нагрузка на сельские районы привела к росту стоимости основных государственных услуг и их упразднению.
- В период с 2000 по 2005 г. число неграмотных среди взрослого населения Китая выросло на 30 млн — впервые за несколько десятилетий; этот факт остался практически незамеченным на Западе.
- Принимая во внимание то, как в Китае определяют количество неграмотных среди взрослого населения, можно утверждать, что этот рост неграмотности стал результатом ухудшения сельского базового образования в 1990-х гг.; он совпал по времени с политическим перекосом в сторону города.

Капитализм с китайским лицом представляет собой непосредственное, фактографическое наблюдение за экономическими и институциональными процессами, практиками и политикой Китая. Формальное моделирование и системное эмпирическое исследование являются важными инструментами разрешения научных и политических споров, но они могут помочь только при наличии нужных фактов. Эта книга предоставляет такие факты.

1. НАСКОЛЬКО ЖЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ ЯВЛЯЕТСЯ КИТАЙ?

В 2004 г. Lenovo, китайский производитель компьютеров, приобрел производственное подразделение IBM. Это событие, произошедшее вскоре после того, как ведущие информационные агентства сообщили, что вклад Китая в рост мирового ВВП превысил вклад США, потрясло мир. Ричард Макгрегор (2004), репортер *The Financial Times*, очень точно передал воцарившиеся тогда настроения, написав, что эта покупка является «символом новой экономической эпохи, символом того, как растущий быстрыми темпами Китай вдруг стал настолько мощным, что теперь ему по силам поглотить культовый американский бренд». Экономист Принстонского университета и обозреватель *The New York Times* Пол Кругмэн (2005), который не был обеспокоен японскими приобретениями в 1990-е годы, теперь забил тревогу в связи с китайскими инвестициями. Он считает, что китайские корпоративные приобретения представляют серьезную угрозу для Соединенных Штатов. Некоторые специалисты даже заявили, что приобретение Lenovo возвещает о наступлении нового мирового порядка, центром которого является Китай (Shenkar, 2005).

Преподаватели бизнес-школ просто восхищены Lenovo. Для них Lenovo — неопровержимое подтверждение плодородной предпринимательской среды и растущей конкурентоспособности Китая. В своей книге *The Chinese Century* («Эпоха Китая») Одет Шенкар, профессор Университета штата Огайо, отвергает представление о том, что Китаю недостает корпоративных гигантов. Lenovo, утверждает он, является таким же гигантом, как и лучшие индийские корпорации — Wipro или Infosys (Shenkar, 2005). Lenovo также посвящена значительная часть книги *Made in China: What Western Managers Can Learn from Trailblazing Chinese Entrepreneurs* («Сделано в Китае: Чему западные менеджеры могут научиться на примере китайских предприятий») Дональда Салла, профессора бизнес-школы INSEAD (Sull, 2005).

Но есть одна проблема касательно этих познавательных во всех других отношениях книг: Lenovo — не китайская компания. Несомненно, Lenovo — весьма успешное предприятие, но преуспело оно как раз потому, что могло функционировать вне китайской деловой среды. Китайским «лицом» компа-

нии является Lenovo China, штаб-квартира которой расположена в Пекине. Это фирма-родоначальник, основанная в 1984 г. при Китайской академии наук. Но реальный корпоративный контроль и акционеры производства и разработки технологий Lenovo находятся в другом месте — в Гонконге. Рассмотрим Lenovo (Пекин) и Lenovo (Шанхай), структурные подразделения фирмы, управляющие производством, научно-исследовательской деятельностью, разработкой программного обеспечения и обслуживанием клиентов. Обе эти структурные единицы являются не просто предприятиями с иностранными инвестициями, а предприятиями со стопроцентно иностранным капиталом, т.е. 100% их акций владеет иностранное юридическое лицо, Hong Kong Lenovo. Они не связаны напрямую через акционерный капитал с Lenovo China. Как компании со 100%-ными иностранными инвестициями, пекинское и шанхайское подразделения Lenovo являются более иностранными, чем подразделение GM в Шанхае, которое являет собой совместное предприятие с 50%-ным иностранным участием. В 2003 г. семь гонконгских дочерних компаний Lenovo были включены в список 500 крупнейших китайских предприятий с иностранным капиталом, составленный правительством Китая.

Данная книга — об этом и многих других феноменах китайской экономики. В первой части главы 1 я привожу подробную информацию по Lenovo, чтобы подчеркнуть основной тезис: китайская экономика очень сложна, и то, что представляется простым и очевидным на первый взгляд, вовсе таковым не является, если копнуть глубже. А чтобы копнуть глубже, нужно выйти далеко за пределы обычной эмпирической основы для экономического анализа по Китаю (например, данные по ВВП и валютным резервам). Для написания этой книги я изучил многочисленные государственные документы, в том числе служебные записки и распоряжения должностных лиц Центрального банка Китая и руководителей высшего звена банков, а также большое количество данных исследований домохозяйств и китайских компаний. Традиционные экономические данные, такие как ВВП, объем экспорта и прямые иностранные инвестиции, служат источником дальнейших исследований и не позволяют сделать окончательные выводы. (Более подробная информация об эмпирических источниках книги приводится в этой главе.)

Пример с Lenovo говорит не только о необходимости уяснить факты касательно китайской экономики, но и о необходимости сделать правильные аналитические выводы и выводы о роли политики в истории роста Китая. Это еще одна тема, которая проходит через всю книгу. В научной литературе распространено мнение, что предпринимательство, финансовая либерализация и защита прав частной собственности не являются важными составляющими экономического роста Китая. (Или как минимум о том, что эти факторы весьма отличны от тех, что практикуются в других

1. НАСКОЛЬКО ЖЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ ЯВЛЯЕТСЯ КИТАЙ?

странах.) Успех китайской экономики породил идею о том, что экономический рост есть результат грамотной привязки экономической политики и институтов к местным условиям, а не применения универсальных экономических принципов. Давайте проанализируем эту идею на примере Lenovo.

Важным элементом истории Lenovo является ее статус иностранной компании. Читатель может сказать: «Ну и что?» Что такого важного в том, что Lenovo зарегистрирована как иностранная компания в Китае? К тому же разве сейчас Гонконг не является частью Китая, и, соответственно, определение Hong Kong Lenovo как иностранной фирмы лишь юридическая фикция? Ответы на эти вопросы показывают, насколько важно знать все подробности истории компании Lenovo.

Осмысление гонконгских корней Lenovo влечет за собой важные выводы. Гонконг — это либеральная экономика, которая зиждется на рыночной финансовой системе, верховенстве права и защите прав собственности. Гонконгская экономическая модель, как утверждают многие, наиболее близка к модели неоклассической экономики из тех. Вот почему так важно разобраться в причинах успеха Lenovo. Если мы считаем Lenovo продуктом китайской деловой среды, многие из тех, кто утверждает, что Китай разработал уникальную, специфическую формулу осторожного дерегулирования, государственной формы собственности и избирательного вмешательства государства в экономику, правы. Если же мы считаем Lenovo продуктом Гонконга и гонконгских институтов, успех Lenovo становится историей верховенства права и рыночных финансовых подходов. Поэтому вопрос определенно стоит рассмотреть более подробно.

За исключением первоначального финансирования, предоставленного Китайской академией наук в 1984 г., именно традиционно западный рынок Гонконга предоставил Lenovo практически весь ее последующий капитал в критический период роста фирмы¹. В 1988 г. Lenovo получила 900 000 гонконгских долларов от China Technology, гонконгской фирмы, для инвестирования в совместное предприятие в Гонконге. Эта инвестиция объясняет факт создания юридического адреса Lenovo в Гонконге. (Изначально фирма называлась Legend.) Далее свою роль сыграли удача и случай. Отец Лю Чуаньжи, главного основателя Lenovo, управлял China Patent Agent, гонконгской компанией. China Patent Agent была основным акционером China Technology. Производство компьютеров является капиталоемким и требует значительных инвестиций. Именно капитал, пришедший из Гонконга, удовлетворил финансовые запросы Lenovo. В 1993 г. Hong Kong Lenovo вышла на Гонконгскую фондовую биржу. Первичное публичное размещение акций (IPO) принесло ей \$12 млн, которые фирма направила на инвестиции в Китае. Таким образом, успех Lenovo — заслуга рыночных финансов Гонконга, а не контролируемой государством финансовой системы Китая.

И хотя все основатели Lenovo действительно являются выходцами из Китайской академии наук, то, что фирма стала дочерней компанией Академии, уже история. Ее учредительный капитал составил 200 000 юаней — в 1984 г. огромная сумма для Китая. Эти деньги на самом деле были ссудой от Академии наук, а не инвестицией в акционерный капитал. Процедура их предоставления была довольно запутанной. Согласно одному материалу, 11 основателей Lenovo получили эти деньги в виде банковской ссуды и одолжили их Академии наук. Академия наук, в свою очередь, ссудила эти деньги Lenovo. По западному законодательству Lenovo была бы обычной частной фирмой, а Китайская академия наук — ее кредитором, а не акционером. Но причина, по которой Lenovo зарегистрировалась как юридическое лицо именно таким образом, не имеет ничего общего с фактической долей участия учредителей в ее капитале. Причина заключается в том, что в 1984 г. не существовало правового механизма регистрации независимой частной фирмы размеров Lenovo, работающей в такой современной отрасли промышленности, как производство компьютеров. В 1980-х гг., несмотря на то что либерализация частного сектора в сельском Китае шла полным ходом (тема, к которой я обращаюсь снова в главе 2), городская экономика по-прежнему практически полностью находилась под контролем государства. Многие из крупных частных, по сути своей, компаний были зарегистрированы как юридическое лицо в 1980-х таким же образом.

Уяснение гонконгских связей Lenovo также помогает нам получить верное представление о китайской деловой среде. Правовой статус как компании с иностранными инвестициями был важен для Lenovo прежде всего потому, что он был ее «входным билетом» в отрасль производства компьютеров. Вскоре после основания Lenovo было отказано в лицензии на выпуск продукции в сфере производства компьютеров в Китае. Вместо нее Министерство электроники выдало лицензию на выпуск продукции Great Wall Group, традиционному госпредприятию. Lenovo же начала выпускать компьютеры в Китае не как китайская компания, а как компания с иностранными инвестициями, зарегистрированная в Гонконге. Все производства, службы и научно-исследовательские подразделения, что открываются Lenovo в Китае, идут по такому же пути. Они либо находятся в полной собственности Hong Kong Lenovo, либо являются иностранными совместными предприятиями с другими китайскими фирмами. В 1997 г. Hong Kong Lenovo поглотила пекинское подразделение — последнее из оставшихся китайских подразделений².

Как предприятие с иностранными инвестициями Lenovo подпадала под действие Закона о совместных предприятиях с иностранным акционерным капиталом или Закона о предприятиях со 100%-ным иностранным акционерным капиталом. Китайские законы и нормы предоставляют

1. НАСКОЛЬКО ЖЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ ЯВЛЯЕТСЯ КИТАЙ?

зарегистрированным за рубежом фирмам более либеральную рабочую среду, нежели отечественным частным фирмам. В 1990-х Китай проводил весьма одностороннюю стратегию либерализации, которая предусматривала предоставление существенных налоговых и регуляторных льгот прямым иностранным инвесторам, ограничивая при этом потенциал отечественного частного сектора³. До 2005 г. многие высокотехнологичные и так называемые стратегические отрасли промышленности были закрыты для китайских частных компаний. Местные частные предприниматели могли развивать свой бизнес только посредством его регистрации в другой стране. Вот почему Lenovo обрела правовой статус иностранной компании. Будучи предприятием с иностранными инвестициями, Lenovo могла работать в более широком регуляторном пространстве и с большей степенью самостоятельности. Как пример, фирма, которая обошла Lenovo и получила лицензию на выпуск продукции в сфере производства компьютеров, — Great Wall Group — являлась исключительно китайской. У нее регулярно возникали разного рода трудности.

Профессор Салл в своей книге излагает историю развития семи других фирм: Sina, UTStarcom, AsialInfo, Haier, Galanz, Wahaha и Ting Hsin. Все истории, приводимые профессором Саллом, похожи на историю Lenovo. Все эти фирмы зарегистрированы в Китае как иностранные компании, или же их основные подразделения зарегистрированы как иностранные компании. Sina, UTStarcom, Ting Hsin и AsialInfo являются предприятиями со 100%-ными иностранными инвестициями, подобно Lenovo (Пекин) и Lenovo (Шанхай). Galanz и Wahaha представляют собой совместные предприятия. (В 2007 г. у основателя Wahaha возникли серьезные разногласия с его иностранным деловым партнером, Danone.) Haier сама по себе не является предприятием с иностранными инвестициями, в отличие от своих основных деловых и производственных подразделений, в том числе действующих в ключевых направлениях — производстве холодильников, стиральных машин и сушильных аппаратов. Все эти фирмы имеют правовой статус предприятия с иностранными инвестициями, а потому подпадают под действие более либеральных китайских законов и норм, регулирующих иностранные инвестиции.

Понятно, что Салл предположил, что все эти фирмы — китайские. Они китайские только в том, что их руководители и владельцы — этнические китайцы, но их правовой статус — *иностранное предприятие*. Тот факт, что для достижения компанией успеха в Китае необходимо сочетание китайских управленцев и правового статуса иностранного предприятия, является, вероятно, наилучшей иллюстрацией значительных искажений в китайской деловой среде — демонстрацией того, что система надела смирительную рубашку на отечественный частный сектор. Поэтому не случайно, что все истории корпоративного успеха в Китае похожи на истории Lenovo

и Sina. В 2002 г. журнал *Forbes* опубликовал список наиболее динамичных малых предприятий в мире. Четыре компании из этого списка управляются китайскими предпринимателями; бóльшую часть дохода им приносят их китайские подразделения, но штаб-квартира каждой из этих компаний находится в Гонконге.

Рост Lenovo настолько впечатлил некоторых иностранных аналитиков, что один консультант из компании McKinsey даже заявил, что Китай имеет «лучшую модель из всех возможных» (Woetzel, 2004). В этом заявлении конкретный стратегический и институциональный путь, которым идет Китай, представляется как образец для других развивающихся стран. Пример Китая позволил западным исследователям утверждать, что микроэкономические и макроэкономические успехи не зависят от внедрения финансовых и правовых институтов западного типа. В одной влиятельной финансовой газете отмечается, что неформальное финансирование практически так же эффективно в плане вливания капитала в частный сектор, как и рыночные финансовые институты (Allen, Qian and Qian, 2005).

История Lenovo ставит под сомнение все эти утверждения. Да, Китаю недостает действенных правовых и финансовых институтов, *но у него есть доступ к ним — в Гонконге*. Некоторые считают, что официальное финансирование не имеет большого значения. Руководители Lenovo наверняка не согласятся с этим. Компания получила более \$12 млн в результате выхода на IPO на Гонконгской фондовой бирже. Официальное финансирование — и институты, предоставляющие его, — имело важнейшее значение для успеха Lenovo. Неформальные источники финансирования помогают открыть небольшие киоски или простое производство, но их недостаточно для приобретения фирмами современных производственных объектов и для их продвижения вверх по технологической лестнице.

Lenovo является самым известным продуктом так называемых прямых иностранных инвестиций с возвратом в исходный пункт — «иностранный» капитала, который сперва экспортируется из Китая, а потом снова импортируется в Китай. Основная функция гонконгского подразделения Lenovo не имеет ничего общего с технологиями. Согласно одному из лучших и наиболее детальных материалов о Lenovo, руководители и ученые Lenovo обладали гораздо более глубокими техническими знаниями, нежели гонконгская фирма, с которой они объединились (Lu, 2000). Истинный вклад политики открытых дверей Китая заключается не только в том, что она разрешила вход в страну иностранным предприятиям, но и в том, что она разрешила выход предприятий китайским. Она дала возможность некоторым китайским предпринимателям найти «выпускной клапан» для выхода из очень плохой системы. Иными словами, успех Китая связан скорее не с созданием эффективных институтов, а с разрешением доступа к эффективным институтам за пределами Китая.

1. НАСКОЛЬКО ЖЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ ЯВЛЯЕТСЯ КИТАЙ?

Это — в значительной степени незапланированное и недооцениваемое — следствие китайской политики открытых дверей необходимо признать. Однако это совсем не значит, что Китаю не нужны эффективные рыночные институты. История Lenovo говорит как раз о важности последних. Lenovo смогла воспользоваться преимуществами этих институтов потому, что Китаю посчастливилось иметь самую либеральную экономическую систему у себя под боком. Гонконг является безопасной гаванью для ряда талантливых китайских предпринимателей и альтернативой китайским плохо функционирующим финансовой и правовой системам. Можно даже сказать, что Lenovo извлекла из бывшей английской колонии такую же выгоду, что и из возможностей для роста в самом Китае.

Китай уникален тем, что некоторые из его способных предпринимателей имеют возможность доступа к одному из наиболее действенных финансовых рынков и правовых институтов в мире. Но здесь можем сделать один важный вывод касательно политики. Другим развивающимся странам внедрение финансовых и правовых институтов и практик, аналогичных китайским, не позволило бы добиться экономического роста. Какой бы успешной ни была Lenovo, особое обстоятельство под названием «Гонконг» ограничивает применимость данной модели. В этой связи утверждение McKinsey о том, что Китай располагает «наилучшей» бизнес-моделью, равнозначно призыву к другим бедным странам создать свой собственный Гонконг, что есть совет сомнительной ценности.

Наконец, остается вопрос о том, действительно ли правильное толкование истории Lenovo и истории роста Китая имеет важное значение. Возможно, уроки Китая и нельзя быстро распространить на другие страны, но пока китайская модель работает для Китая, все будет хорошо. Разве не верно то, что многие компании, подобно Lenovo, могут воспользоваться преимуществами финансового рынка и правовых институтов Гонконга и могут стать конкурентоспособными гигантами на мировой арене? Пока существуют механизмы-заменители, рост Китая будет продолжаться.

Это неверный вывод из успеха Lenovo и других китайских компаний. Вспомним тот факт, что Lenovo смогла воспользоваться преимуществами финансового рынка Гонконга тайком — отец Лю Чуаньчи был руководителем гонконгской компании. Семейные связи позволили Lenovo ускользнуть из цепких лап китайских институтов, но на каждую историю успеха по типу Lenovo есть нерассказанные истории неудачи китайских предпринимателей, у которых доступа к Гонконгу нет. Особенно это справедливо в отношении тех потенциальных предпринимателей, которые живут в огромных сельских и центральных районах Китая. Можно пойти еще дальше: потребность в эффективной финансовой системе в Китае выше в центральных районах, чем в прибрежных провинциях, именно потому, что в первых других условий для роста куда меньше.

Плохие институты особенно пагубны для сельского предпринимательства, которое имеет гораздо большее значение для благосостояния подавляющего большинства китайцев, нежели городское, высокотехнологичное предпринимательство. В двух главах этой книги этот вопрос рассматривается в подробностях. В отличие от многих других стран, в Китае наиболее динамичные, рискованные и талантливые предприниматели живут в сельской местности. Эти сельские предприниматели сотворили китайский чудо-рост 1980-х гг., сперва существенно повысив урожайность сельскохозяйственных культур, а потом открыв множество малых предприятий по обработке пищевых продуктов и торговле строительными материалами. Политика открытых дверей сама по себе мало чем помогла этим предпринимателям.

В значительной степени история Lenovo является зеркальным отражением истории роста Китая. То, что представляется совершенно очевидным на первый взгляд, на самом деле вовсе не очевидно. Чтобы уяснить факты, необходимо изучить множество деталей. Значительная часть этой книги наглядно иллюстрирует это утверждение. Это отчасти историческая книга — в ней приводятся факты и данные об эволюции китайской экономической системы за последние три десятилетия. Но, как показывает рассказ о Lenovo, правильное толкование истории роста Китая — это еще и формулирование правильных выводов в отношении Китая. Вывод, который я выдвигаю в этой книге, прост и в чем-то даже банален: Китай преуспевал тогда, когда процветало частное предпринимательство, исходящее из низов, и переживал стагнацию тогда, когда предпринимательство подавлялось.

Эту главу я начинаю с основного вопроса: «Насколько же капиталистической является китайская экономика?» Это логичный вопрос, принимая во внимание следующее. Во-первых, в 2008 г. Китай отмечает тридцатую годовщину начала экономических реформ (1978–2008). К этому времени продолжительность реформирования Китаем его социалистической экономической системы превысила продолжительность существования самой системы централизованного планирования (1949–1978). (На самом деле, как утверждают специалисты по истории экономики, полноценная система централизованного планирования была создана только в середине 1950-х гг.⁴) Темпы перехода Китая к капитализму заслуживают подробного рассмотрения.

Во-вторых, некоторые из наиболее известных и влиятельных китайских экономистов уже заявили, что переход Китая к рыночной экономике завершен⁵. Теперь главной задачей, по их словам, является экономическое развитие. Целесообразно подвергнуть это мнение эмпирической проверке.

Самыми важными отличительными чертами рыночной экономики являются роль и размер частного сектора. Однако, как и по многим другим сферам китайской экономики, прямого ответа на прямой вопрос о размере китайского частного сектора нет. Причина заключается в том, что китайские

1. НАСКОЛЬКО ЖЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ ЯВЛЯЕТСЯ КИТАЙ?

реформы породили большое количество фирм, имеющих малопонятную, а зачастую и намеренно размытую структуру собственности. Я же утверждаю, что размер китайской частной экономики, особенно ее отечественной составляющей, довольно невелик. Используя инвестиции в основные фонды в качестве мерила политики, я демонстрирую, что политика в отношении отечественного частного сектора в 1990-е гг. существенно изменилась в худшую сторону по сравнению с 1980-ми. Это изменение политики является самой важной причиной того, почему переход Китая к капитализму по прошествии 30 лет с начала реформ еще не завершен.

Второй раздел этой главы являет собой небольшой обзор китайских реформ за последние 30 лет и завершается кратким изложением содержания остальных четырех глав книги. Выделяются три вопроса. Прежде всего грамотный анализ китайской экономики должен объяснять как ее многочисленные хорошо известные недостатки, такие как слабая финансовая система, недостаточно развитый частный сектор и ухудшение показателей активности в социальной сфере, так и ее многочисленные существенные достижения, такие как быстрый рост и впечатляющее сокращение бедности. Ключевой фактор в моем повествовании — сворачивание экономических политик в конце 1980-х гг. В 1980-х направленность экономической политики была поступательно-либеральной, главным образом в сельских районах страны. Доступ частного сектора к финансам был существенно упрощен, сельское предпринимательство стремительно развивалось. В 1990-х направленность экономической политики была резко изменена; акцент теперь делался на промышленности и иницируемых государством инвестиционных проектах. Несмотря на то что темпы роста ВВП были высокими и в 1980-х, и в 1990-х, факторы и последствия роста существенно различались. В 1980-е гг. быстрый рост ВВП сопровождался ростом личного дохода, оптимизацией распределения доходов и значительным снижением бедности. С начала 1990-х гг. (и все более выражено — ближе к концу 1990-х) влияние быстрого роста ВВП на благосостояние населения стало негативным. Иными словами, многие хорошо известные достижения китайской экономики являются продуктом политики 1980-х, а многие глубинные проблемы сегодняшнего дня являются следствием политики 1990-х.

Во второй части моего повествования подчеркивается значимость сельского сектора. Эта значимость вытекает не только из его абсолютного веса в китайской экономике и обществе — из того, что численность сельского населения Китая велика, — но и из экономической структуры Китая. В Китае истоки рыночного, предпринимательского капитализма являются сельскими по своей природе. Это наблюдение влечет за собой ряд существенных вспомогательных выводов. Один из них заключается в том, что судьба сельского предпринимательства оказывает несоразмерное воздействие на характер китайского капитализма. Когда малому, рыночному и политически незави-